

18+

АЛЕКСАНДРА КУЗНЕЦОВА

ТАМ, ГДЕ КОНЧАЕТСЯ НЕБО

Александра Кузнецова

Там, где кончается небо

«Издательские решения»

Кузнецова А.

Там, где кончается небо / А. Кузнецова — «Издательские решения»,

Павел не летает на самолётах. Семнадцать лет назад его родители разбились в небе, и с тех пор он живёт на земле — предсказуемой и серой. Но однажды он замечает серо-голубые глаза девушки за библиотечной стойкой. Точно такие же, как у него. София не пытается его спасти. Она просто кладёт ему в карман записку. И ждёт.

© Кузнецова А.

© Издательские решения

Содержание

ПРОЛОГ	6
ГЛАВА 1	7
ГЛАВА 2	9
ГЛАВА 3	12
Глава 4	15
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Там, где кончается небо

Александра Кузнецова

Павел не летает на самолётах. Семнадцать лет назад его родители разбились в небе, и с тех пор он живёт на земле — твёрдой, предсказуемой, серой. У него есть спортклуб, есть ребята-подростки, есть рутина. И есть стена, которую он строил годами.

Но однажды он замечает серо-голубые глаза девушки за библиотечной стойкой. Точно такие же, как у него.

София не пытается его спасти. Она просто кладёт ему в карман записку. И ждёт.

«На высоте десяти тысяч метров» — роман о страхе, о тишине, в которой можно спрятаться, и о том, что происходит, когда стена начинает трещать.

© Александра Кузнецова, 2026

ISBN 978-5-0071-3359-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

«Может быть, и в нас, и на земле, и на небе страшно только одно — то, что не высказано вслух. Мы обретем спокойствие не раньше, чем раз и навсегда выскажем все; тогда, наконец, наступит тишина, и мы перестанем бояться молчать.»

Луи-Фердинанд Селин

ПРОЛОГ

Я не летаю на самолётах.

Это не страх в обычном смысле. Я не вздрагиваю от гула турбин, не закрываю глаза при взлёте, не сжимаю подлокотники до побелевших костяшек. Я просто не сажусь в них. Никогда.

Семнадцать лет назад я проводил родителей в аэропорт, помахал им рукой, а через несколько часов узнал, что самолёт не приземлился. С тех пор небо для меня — не свобода. Это место, где заканчивается моя ответственность. А если я за что-то не отвечаю, значит, могу это потерять.

Сейчас я стою у окна своей квартиры. За стёклами — ноябрь, первый снег. Тяжёлые хлопья падают на крыши пятиэтажек и тут же тают, превращаясь в грязную кашу. Город засыпает, и в этой тишине есть что-то успокаивающее.

Я живу здесь восемь лет. С тех пор как бросил университет и вернулся из области, где учился на историческом. Тогда я думал, что буду копать в земле, искать черепки, читать прошлое, как открытую книгу. Потом прошлое прочитало меня.

В комнате темно. Я не включаю свет. Люблю сумерки — они не требуют быть счастливым.

На столе передо мной лежат две папки. В одной — старые карты раскопок, которые девушка из библиотеки положила мне в заказ несколько дней назад. В другой — полевые дневники, которые она нашла в архиве. Я до сих пор не открыл вторую. Боюсь увидеть то, от чего отказался. Боюсь понять, что мог быть там, а не здесь.

А ещё на столе лежит записка. Маленький клочок бумаги, сложенный вчетверо. Я перечитывал её сотни раз.

«Я знаю. Вы не врёт. И я тоже».

Она опустила её в карман моей куртки, когда я стоял к ней спиной. Не спросила. Не сказала ни слова. Просто взяла и положила. Как будто знала, что я вернусь. Как будто знала, что найду.

Беру записку в руки. Бумага уже мягкая, почти как ткань. Края истрёпаны. Почерк мелкий, аккуратный, с лёгким наклоном. Смотрю на эти слова и думаю о том, что стена, которую я строил семнадцать лет, никогда не была по-настоящему крепкой. Я просто делал вид, что она меня защищает.

За окном всё идёт снег. Где-то в этом городе, в маленькой квартире на третьем этаже старой хрущёвки, она сейчас, наверное, пьёт чай. Или читает книгу. Или смотрит на снег так же, как я. Я не знаю. Но знаю, что завтра пойду в библиотеку. Не за книгами. За ней.

Раньше я возил своих ребят на соревнования в другие города. Пока не пришлось выбирать: самолёт или отказ. Я выбрал отказ. Сказался больным, а сам сидел в пустом зале и ненавидел себя за то, что не могу перешагнуть через этот страх. Они поехали без меня. Заняли призовое место. С тех пор я вожу их только туда, куда можно доехать на поезде или машине. И каждый раз, когда мы пропускаем хороший турнир из-за расстояния, я чувствую, что подвожу их.

Мне кажется, впервые за семнадцать лет я готов к полёту.

ГЛАВА 1

Спортклуб «Вертикаль» расположен на окраине города, там, где фонари становятся реже, а за последним домом начинается поле. Пустота. Я люблю её. Она честная. Не притворяется, что может что-то дать.

Я купил это здание восемь лет назад. Тогда здесь был бетонный короб без окон, с цементным полом и запахом сырости. Я спал на раскладушке, сам штробил стены, тянул провода, собирал тренажёры. Руки были в мозолях, спина болела так, что я не мог разогнуться. Но я не жаловался. Это было моё. Единственное, что я построил сам.

Сейчас здесь светлый зал, раздевалки с горячей водой, современные тренажёры. На стенах — грамоты и фотографии. Мои ребята занимают призовые места на городских соревнованиях. Я требую от них дисциплины, но никогда — невозможного. Я знаю цену невозможному. Оно не стоит того, чтобы к нему стремиться. Оно ломает. Я видел, как оно ломает.

Вечером, когда тренировка закончилась, ко мне подошёл один из старших парней.

— Павел Андреевич, а правда, что вы в молодости хотели быть археологом?

Смотрю на него. Живые глаза, без насмешки — только желание понять. Он ждёт ответа и не отводит взгляд.

— Кто сказал?

— Да так. Говорят, вы копать любили. В смысле, драгоценности в земле искать.

— Я люблю книги про археологию. Это не одно и то же.

— А сами копали когда-нибудь?

— Один раз. Студентом.

— И чего? — не понял он.

— Ну, нашли и нашли.

Я усмехнулся уголком рта:

— Для тебя — просто нашли. Для меня — прикоснулся к чужой жизни.

— А потом?

— Потом я вернулся в город и больше не копал.

— Почему?

Вопрос повисает в воздухе. Другие ребята уже ушли. В зале только мы двое и гул вентиляции. Смотрю на свои руки — на шрамы от старых травм, на сбитые костяшки. Руки, которые держат штангу, а не кисточку.

— Иди домой. Поздно.

Он понимает, что дальше лезть не стоит, и кивает.

Ребята расходятся. Я остаюсь в зале один. Сажусь на скамью у окна, смотрю на улицу. Фонарь качается на ветру, его свет пляшет по мокрому асфальту. Тишина. Вентиляция гудит, лампы потрескивают. Никто не задаёт вопросов. Никто не ждёт ответов.

Думаю о том, что тот парень прав. Когда-то я хотел стать археологом. Мечтал копать в земле, искать следы прошлого. После похорон родителей я бросил университет, вернулся в этот город и открыл клуб. Зачем? Я не знал. Просто надо было что-то делать. Просто надо было не оставаться одному в тишине, которая душила.

Я выстроил эту жизнь как стену. Кирпич за кирпичом, год за годом. И теперь она стоит. Надёжно. Серо. Предсказуемо.

Но сегодня что-то изменилось. Сегодня я пойду в библиотеку. Не потому, что мне нужны книги. А потому, что там работает она. Та девушка со светлыми волосами и серо-голубыми глазами. Я не знаю, как её зовут. Не знаю, откуда она. Но в прошлый раз она положила в мою папку старые карты раскопок. Просто так. Потому что я брал книги по археологии.

Смотрю на часы. Восемь. Библиотека работает до девяти. Встаю, иду в раздевалку, переодеваюсь в чёрные брюки и чёрный свитер. Проверяю себя в зеркале. Не потому, что хочу кому-то понравиться. А потому, что мать учила: «Одевайся так, будто сегодня может случиться что-то важное». Теперь я знаю, что она имела в виду.

Выхожу на улицу. Осенний воздух обжигает лёгкие. Город пахнет листвой и дымом из труб. Ничего не меняется. Я люблю, когда ничего не меняется. Но сегодня чувствую: что-то будет иначе.

Библиотека — двухэтажное здание из красного кирпича. Ей больше ста лет. Ступени широкие, стёртые тысячами ног. Дверь тяжёлая, со старым звонком. Толкаю — и внутри встречается запах бумаги, воска и сухих цветов. Запах, который я помню с детства.

В зале никого. Только дежурный свет у стойки и она. Сидит, склонив голову, светлые волосы выбиваются из косы, падают на плечи. Не слышит, как я вхожу. Кашляю.

Поднимает голову. Смотрит на меня. Её глаза — серо-голубые. Точно такие же, как у меня. Замираю.

Она улыбается.

— Здравствуйте. Я уже отложила ваш заказ.

— Спасибо.

Говорю это ровно, как всегда. Но внутри что-то смещается. Как будто шестерёнка, которая не двигалась годами, вдруг повернулась.

Она встаёт, идёт к стеллажу, достаёт стопку книг. На верхней — тонкая папка с копиями старых карт.

— Вы добавили что-то от себя?

Краснеет. Румянец поднимается от шеи к щекам. Тербит край папки.

— Это просто... вы брали книги по археологии в прошлый раз. Я подумала, вам могут быть интересны карты местных раскопок. Ничего особенного.

— Как вас зовут?

Поднимает глаза.

— София.

София.

Киваю, беру книги, выхожу на крыльцо. Ветер бьёт в лицо, но не помогает. Имя остаётся со мной. Оно врежется в память, как заноза. Пытаюсь вытряхнуть его, но оно не уходит.

Иду домой быстрым шагом. В голове — тишина. Но сегодня эта тишина кажется мне не спасительной, а тревожной.

Дома ставлю чайник, смотрю на карты. Она потратила на это время. Она подумала обо мне. Никто не делает для меня таких вещей. Никто не думает обо мне. Я сам сделал всё, чтобы обо мне не думали.

Смотрю в потолок. Думаю: она из другого мира. Из мира книг, тишины, тёплых свитеров. Я из мира спорта, бетона, одиночества. У нас нет ничего общего. И чем больше я думаю об этом, тем спокойнее мне становится. Потому что если нет общего — не о чем жалеть.

Ложусь спать. Долго ворочаюсь, смотрю в потолок, считаю удары сердца. Потом ухожу в темноту. Без снов. Без мыслей. Только пустота. Такая же, как всегда. Только теперь в ней почему-то тепло. Не знаю, откуда оно взялось. И боюсь узнать.

ГЛАВА 2

На следующее утро я проснулся раньше будильника. Это случается редко — обычно меня поднимает противный треск телефона, и я лежу ещё несколько минут, собирая волю в кулак. Но сегодня я просто открыл глаза и понял, что больше не усну. В комнате темно — осеннее солнце пробивается сквозь шторы только к восьми, а сейчас начало седьмого.

Лежу на спине, смотрю в потолок. Внутри пульсирует что-то смутное. Не боль, не тревога — скорее ожидание. Будто кто-то невидимый встал у двери моей жизни и ждёт, когда я открою. Я не знаю, кто это. Но боюсь впускать.

Поворачиваю голову. На тумбочке лежит папка с картами — та самая, что она вчера подсунула вместе с книгами. Вчера вечером разглядывал их минут двадцать, сам не знаю зачем. Старые схемы раскопок, пометки карандашом, датировки. Шестидесятые годы. Люди, которых уже нет, копали землю, искали следы прошлого, а теперь их следы ищу я — в пыльных архивах, которые она для меня открыла.

Беру папку, открываю. Карты пахнут старым картоном и типографской краской — резко, почти агрессивно. Совсем не так, как она. Но они её. Она прикасалась к ним. Раскладывала на столе, выбирала, складывала. Её пальцы скользили по этим листам. Смотрю на край одного из них — там есть маленькое пятно. Кофе? Чернила? Не знаю. Но это её. Частица её, оставленная на бумаге, которую я теперь держу в руках.

Закрываю глаза и пытаюсь выбросить эту мысль. Не хочу думать о ней. Не хочу думать о том, почему она это сделала. Не хочу думать о том, почему меня это задело. Задело так, что я проснулся в шесть утра и не могу уснуть. Уже полчаса вожусь с этой проклятой папкой, вместо того чтобы встать и начать день. Но я всё равно думаю. Я всегда думаю о том, о чём не надо.

Встаю, иду в душ. Вода горячая, почти обжигающая, но стою под ней дольше обычного, уставившись в белую плитку. Капли стекают по лицу, по плечам, по груди. Шрамы от старых травм, мозоли, сбитые костяшки — всё это мои руки. Когда-то они держали черепок трёхтысячелетней давности — маленький, шершавый, тёплый от солнца.

Выключаю воду, вытираюсь, иду на кухню. Машинально насыпаю кофе в турку, ставлю на плиту. Жду, когда поднимется пенка. Смотрю на пламя — жёлтое, синее, беспокойное. Как я. Думаю о том, что сегодня будет обычный день. Тренировка, обед, бумаги, вечер. Ничего особенного. Так должно быть. Так было всегда. Так будет и завтра, и послезавтра. Рутинная, которая держит меня на плаву. Но внутри уже что-то дрожит.

Пью кофе маленькими глотками, обжигаюсь, но не чувствую вкуса. Кофе есть кофе. Чёрный, горький, привычный. Как и вся моя жизнь. Смотрю в окно — на улице серо, мокро, деревья стоят голые, ветки тянутся к небу, как руки утопающих. Осень уже почти кончилась. Скоро зима. Я люблю зиму. В ней нет лишних красок. Только белый, серый, чёрный. Как моя жизнь. Как я. Как та пустота, которую я ношу в себе.

В спортклуб прихожу за час до первой тренировки. Люблю это время — когда зал пустой, инвентарь расставлен по местам, и можно походить между тренажёрами, проверить, всё ли в порядке. Сделать круг, потом ещё один. Тишина здесь густая, плотная, как вода в глубоком озере. Она меня успокаивает. Здесь я забываю о том, что снаружи есть что-то ещё.

Включаю свет в основном зале, подхожу к окну. На улице моросит дождь — мелкий, нудный, осенний. Дома горят окнами — жёлтыми, тёплыми, чужими. Смотрю на них и не завидую. Привык к темноте. Она не обманывает. Она просто есть. Как дождь. Как бетон.

Прохожу мимо турников, проверяю крепления. Всё на месте. Всё надёжно. Я сам затягивал каждый болт, каждую гайку.

— Павел Андреевич, вы рано, — раздаётся за спиной.

Оборачиваюсь. В дверях стоит один из ребят, в расстёгнутой куртке, с мокрыми волосами, прилипшими ко лбу. Он пришёл на полчаса раньше всех, как обычно. Этот парень живёт спортом, иногда мне кажется, что в нём слишком много огня для нашего маленького города. Он везде первый — приходит, уходит, спорит, задаёт вопросы.

— Не спится. Ты бы хоть волосы высушил, простудишься.

— Да нормально. — Скидывает куртку, вешает на крючок. — Я в зале согреюсь.

Проходит мимо, и я возвращаюсь к окну. Но он сегодня не торопится к турникам. Останавливается рядом, мнётся. Я чувствую это — его нерешительность, его желание что-то спросить.

— Что? — спрашиваю, не оборачиваясь.

— Да так. Я вчера в библиотеку заходил.

Чувствую, как что-то ёкает внутри. Резко, неприятно, где-то под рёбрами. По-прежнему смотрю на дождь, но теперь уже не вижу его. В голове — её лицо, голос, глаза. Серо-голубые. Как мои.

— И зачем тебе библиотека?

— Тетрадь по истории забыл, а у нас зачёт. Мне нужна была одна книга. Ну, я зашёл, спросил у девушки. Она помогла.

Молчу. Он ждёт.

— Она спросила, не из ваших ли я. Говорит, вы у них постоянный читатель. Книги про археологию берёте.

— Беру.

— А она карты вам отдала? Она говорила, что распечатала.

Поворачиваюсь. Смотрит на меня с любопытством.

— Отдала. Иди занимайся.

Кивает, но не уходит. Стоит, переминается с ноги на ногу, тербит ляжку рюкзака.

— Она красивая, да?

Смотрю на него в упор. Он тут же отступает на шаг.

— Она про вас спрашивала. Ну, откуда вы, чем занимаетесь, почему берёте такие книги. Я сказал, что вы тренер, что клуб у вас свой, что вы крутой.

— Крутой? — невольно усмехаюсь.

— Ну да. Вы же нас не бросаете. Это круто.

— Ты пришёл тренироваться или языком чесать?

Быстро идёт к турникам, и я остаюсь один. Но тишина уже не та. София. Её имя, произнесённое им, ложится на плечи чем-то невесомым, как те карты, которые она вложила в мою папку. Карты, которые до сих пор лежат на моём столе дома, и я не могу заставить себя их убрать — или открыть.

Вспоминаю её руки — тонкие пальцы, которые привыкли бережно переворачивать страницы. В её жестах была какая-то странная уверенность, не та, что требует признания, а та, что просто существует как факт. Она не пыталась меня разговорить, не задавала вопросов о том, почему я беру книги по археологии, но уже не копаю. Она просто смотрела. И ждала.

Возвращаюсь в кабинет, сажусь за стол, смотрю на бумаги, но цифры и фамилии сливаются в серую массу. В кармане куртки, в раздевалке, лежит маленький листок, который я написал несколько дней назад. Три слова. «Я не вру». Переписывал их сотню раз, сжимал в кулаке, но так и не решился отдать. Он лежит там, в тишине, которую я сам себе устроил, и ждёт. Как и она.

Тренировка проходит как обычно. Даю указания, поправляю технику, слежу за временем. После тренировки остаюсь в зале один. Смотрю на турники, на штанги, на пустые скамьи. Внутри меня что-то пульсирует — не боль, не страх. Скорее — ожидание. Будто организм приготовился к чему-то, а к чему — не объясняет. Вспоминаю утро. Свой разговор с тем пар-

нем. Её имя. София. Оно звучит мягко, с приглушённым вздохом на конце, совсем не вяжется с холодом железа, которое я сжимаю в руках. Оно пахнет старой бумагой, пыльными переплётками и той особенной, почти забытой тишиной.

Подхожу к раздевалке, достаю куртку. Стою, сжимая в руке маленький листок с тремя словами. Бумага нагрелась от моего тепла, стала мягкой, почти живой. Смотрю на неё и думаю о том, что стена, которую я строил семнадцать лет, никогда не была по-настоящему крепкой.

Я не разворачиваю записку. Не отдаю. Просто кладу её обратно в карман, выключаю свет и выхожу из клуба. Дождь всё идёт. Холодный, осенний, бесконечный. Иду домой медленно, смотрю под ноги, на отражения фонарей в лужах. В голове — её имя. София. Повторяю его про себя, и оно не уходит. Оно остаётся где-то за рёбрами, лёгкое, как вздох.

Дома не зажигаю свет. Сажусь в кресло, смотрю в окно на тёмную улицу. Внутри — странное, непривычное тепло. Не от кофе. От чего-то другого, чему я ещё не знаю названия. Я не знаю, зачем я снова приду в библиотеку. За книгами? Или за ней? Я вру себе, но уже не так уверенно, как раньше. Стена трещит. И этого я боюсь больше, чем любой высоты.

ГЛАВА 3

Через несколько дней я снова иду в библиотеку. В этот раз не придумываю себе причину. Просто собираюсь после тренировки, переодеваюсь в чёрные брюки и чёрный свитер, дольше обычного выбираю, потом замечаю это и злюсь на себя. Стою перед зеркалом в прихожей, смотрю на своё отражение и думаю, с каких пор я вообще обращаю внимание на то, во что одет, если иду не на встречу с родителями и не на соревнования. Раньше я надевал то, что первым попадалось под руку. Сегодня перебрал три варианта. Три. Никогда не перебирал одежду. Даже на собеседованиях, когда открывал клуб, надевал то, что висело на стуле. А теперь стою перед зеркалом и выбираю между чёрным и чёрным.

Выхожу из дома. Дожди кончились ещё на днях, но воздух сырой и холодный. Осень вступает в свои права — не золотая, как в фильмах, а серая и тягучая. Дни короткие, вечера бесконечные. Солнце садится рано, в четыре уже темно. Сейчас, когда я иду к библиотеке, тени лежат на асфальте, как лужи. Фонари загораются один за другим, разгоняя сумрак жёлтыми пятнами. Шагаю из пятна в пятно, смотрю на свои ботинки, на мокрый асфальт, на лужи, в которых отражается небо. Не смотрю по сторонам. Боюсь увидеть что-то, что заставит меня передумать.

Иду медленно. Шаг размеренный, почти ленивый. Никуда не спешу, хотя внутри всё кипит. Заставляю себя не ускорять шаг, чтобы не выглядеть так, будто бегу на пожар. Я просто иду в библиотеку. Это нормально. Я всегда хожу в библиотеку. Раньше ходил раз в две недели. Теперь хожу чаще. Но это ничего не значит. Просто книги интересные. Просто я обманываю себя.

Библиотека встречает меня привычным запахом старой бумаги, воска и сухих цветов, которые стоят в большой керамической вазе на подоконнике. Этот запах я помню с детства, он всегда действовал на меня успокаивающе. Но сегодня не работает. Сегодня чувствую напряжение в плечах, в челюсти, в кончиках пальцев. Ступени скрипят под ногами, дверь поддается с привычным усилием. В зале пусто. Только дежурный свет у стойки, тишина, нарушаемая лишь тиканьем больших настенных часов. Её нет.

Останавливаюсь. Секунду стою, не знаю, что делать. Потом замечаю движение в подсобке. Дверь приоткрыта, оттуда пробивается свет и слышен тихий шорох. Делаю шаг вперёд и говорю громче обычного.

— Здравствуйте.

Шорох прекращается. Наступает тишина. Через несколько секунд дверь открывается, и появляется она.

София. На ней серый свитер, рукава закатаны до локтей, оголяя тонкие запястья. Волосы собраны в пучок на затылке, но несколько прядей выбились и падают на лицо. На щеке полоска пыли. Выглядит так, будто я оторвал её от какого-то важного дела, и от этого мне становится неловко.

— Здравствуйте. — В голосе лёгкое замешательство. — Я не ждала, думала, вы через неделю.

— Знаю. Решил зайти раньше. Посмотреть, может, вы нашли те отчёты.

Смотрит на меня. Удивлённо. А потом улыбается той улыбкой, которая делает её лицо светлее.

— Я нашла. Подождите.

Исчезает в подсобке. Через минуту выходит с большой пыльной папкой в руках. Папка старая, картонная, с потёртыми углами и тесёмками, которые она развязывает на ходу. Смотрю на её пальцы — они дрожат. Совсем чуть-чуть.

— Здесь не только отчёты. — Подходит к стойке, кладёт папку на деревянную поверхность. — Я нашла полевые дневники. И фотографии. Старые, чёрно-белые.

Открывает, перелистывает несколько страниц.

— Смотрите.

Подхожу ближе. Стойка разделяет нас, но я чувствую её запах — что-то лёгкое, цветочное, почти неуловимое. В папке стопка пожелтевших листов, машинописные страницы, несколько фотографий. Люди в брезентовых куртках стоят у раскопов. Смотрю на них и думаю: они жили. Копали. Оставили след. А я? Что оставлю я?

— Я не была уверена, что вам пригодится. — Говорит, не глядя на меня, рассматривая фотографии. — Но там есть про наши края. И про курганы в области. Я подумала...

Замолкает. Смотрит на меня. Я перевожу взгляд с папки на неё. Понимаю: ей важно, чтобы мне понравилось. Ей важно, что я пришёл. Не просто читатель. А я.

— Вы потратили на это время.

— Мне не сложно. — Пожимает плечами, но я вижу, что смущена. — Я порылась в архиве. Это моя работа.

— Это не работа. Вы сделали это для меня.

Поднимает голову. Молчит. Смотрю на неё. На выбившиеся волосы, на полоску пыли на щеке, на то, как она сжимает край папки — пальцы побелели.

— Спасибо.

Краснеет. Опускает взгляд, начинает перекладывать бумаги, будто ищет что-то. Перекладывает с места на место, потом обратно. Я молчу. Жду.

— Там, кстати, есть интересный момент, — говорит быстро. — В одном из дневников описывается курган, который раньше считался обычным захоронением, но потом нашли... — замолкает, поднимает глаза. — Простите, я вас задерживаю. Вы, наверное, спешите.

— Не спешу.

Удивлена. Убирает волосы за ухо — замечаю этот жест.

— Там нашли странную керамику. — В её голосе появляется увлечённость. — Не характерную для нашей области. Учёные спорили, откуда она взялась. Одни говорили, что привозная, другие — что местная, но с каким-то неизвестным влиянием. Третий дневник, синий, там целая глава посвящена этому спору.

Говорит, а я слушаю. Не про керамику. Про то, как она оживает. Голос становится громче, увереннее, жестикулирует, забывая про свою застенчивость. В такие моменты она похожа на другого человека. Смотрю на её глаза — они горят.

— Вы это всё прочитали?

— Ну... да. — Снова сжимает край папки. — Мне стало интересно самой.

— Вам нравится археология?

— Не то чтобы... — Мнётся. — Я просто люблю старые вещи. Книги, фотографии, записи. В них есть что-то живое. Даже когда люди уже давно умерли, они что-то оставили после себя. И ты можешь это прочитать, если умеешь.

Замолкает, будто испугалась, что увлеклась. Смотрю на неё и думаю: она единственный человек в этом городе, с которым я могу говорить о таком. Никогда не говорил об этом вслух. Даже с самим собой.

— Сколько вам лет?

Удивлённо поднимает брови.

— Двадцать три. А что?

— Просто интересно.

— А вам?

— Тридцать.

Кивает. Ничего не говорит про разницу. Просто принимает как факт.

— Можно мне взять это домой?

— Конечно. Я оформила как читательский запрос. На месяц.

Беру папку. Наши пальцы почти соприкасаются. Отдвигаю руку быстрее, чем нужно. Она не замечает. Или делает вид.

— Спасибо. Вы правда потратили много времени.

— Мне было приятно. — Говорит тихо. И я верю ей.

Стою, сжимая папку, и не ухожу.

— Как вы находите такие вещи? В архиве.

Понимает, что вопрос не о картах и не о дневниках. Но не показывает. Просто отвечает.

— Я просто умею искать. Это как собирать пазл. Сначала ничего не понятно, а потом находишь одну деталь, другую, и постепенно складывается картинка. Я люблю, когда картинка складывается.

— Я понимаю.

— Мне пора.

— Да, конечно.

Разворачиваюсь, иду к выходу. У двери останавливаюсь.

— София.

— Да?

— В следующий раз расскажете мне про ту керамику?

Молчание. Оборачиваюсь. Она стоит за стойкой и улыбается. Светло, чуть растерянно.

— Хорошо. Расскажу.

Берусь за дверную ручку.

— Вы придёте ещё?

Оборачиваюсь.

— За книгами, — добавляет быстро и опускает глаза. Краска заливает щёки.

Киваю. Не знаю, что ответить. Не знаю, приду ли. Но знаю, что приду.

Выхожу на улицу. Темно. Фонари горят. Иду домой медленно, папка прижата к груди. В голове её голос. «Мне было приятно». «Вы придёте ещё?»

Дома кладу новую папку на стол — рядом со старой, с картами. Теперь их две. Смотрю на них и не открываю. Сажусь в кресло, смотрю в окно на тёмную улицу. Встаю, иду на кухню, ставлю чайник. Насыпаю кофе. Когда сажусь обратно с чашкой, замечаю, что рука дрожит. Чуть-чуть. Сжимаю пальцы, дрожь проходит. Но возвращается, когда думаю о ней.

Папки лежат на столе. Две. Я ещё не открыл вторую. Но теперь знаю, что открою. Не завтра. Не через неделю. Но открою. А она будет ждать в библиотеке. С керамикой, которую обещала рассказать. Смотрю в окно на тёмную улицу, на фонари, на чужие окна. Внутри странное, непривычное тепло. Оно разрастается, и я не могу его остановить.

Она сказала «мне было приятно». Я верю ей. Но это ничего не меняет. Я всё ещё тот, кто не умеет говорить о себе. Она та, кто умеет слушать. Мы слишком разные. И чем ближе мы станем, тем отчётливее я это чувствую. Но почему-то это перестало иметь значение.

Ложусь спать. Долго ворочаюсь, смотрю в потолок. В голове она. Её голос. Её «вы придёте ещё?». Не знаю, что ответить. Но знаю, что приду. Потому что если приду снова — стена может не выдержать. А без стены я никто.

Глава 4

После тренировки я остаюсь в зале один. Ребята разошлись, и я слышу, как хлопает входная дверь, как стихают голоса в темноте за окнами. Сначала громкие, потом тише, потом ничего. Только шум дождя за стенами. Осенний дождь — не тот весёлый летний, а тот, который навеивает тоску, проникает под кожу и остаётся там надолго. Он барабанит по крыше, по стёклам, по асфальту. Монотонно, уныло.

Потом всё стихает. Дождь кончается. Остаётся только вентиляция — гудит ровно, как старая колыбельная. Лампы под потолком потрескивают. Сажусь на скамью у стены, вытянув ноги, смотрю на турники. Свет падает на них жёлтыми полосами, металл блестит в тех местах, где его касались тысячи рук. Мои руки. Руки ребят. Я знаю каждую царапину. Сам их полировал, чинил.

Хороший вечер. Тихий. Люблю такие вечера — когда можно никуда не спешить, просто сидеть и смотреть на пустой зал. Никто не кричит, не просит, не ждёт. Это моё пространство. Здесь я хозяин. Здесь чувствую себя не спокойно, но хотя бы не лишним. Потому что в остальных местах — дома, на улице, в магазине — всегда чувствую себя чужим. Как будто пришёл туда, куда не звали.

Сегодня не хочу домой. Дома тишина другого рода. Та, от которой хочется включить телевизор, чтобы просто слышать чужой голос. Но я не включаю. Сажусь в темноте и слушаю, как тикают часы на стене в кабинете. Иногда мне кажется, они тикают громче, чем нужно. Нарочно. Чтобы напомнить: время идёт, а я всё там же.

Дверь скрипит. Оборачиваюсь. В проёме стоит один из парней, уже одетый, с рюкзаком за спиной. Не ушёл с остальными. Я не слышал его шагов — значит, стоял в коридоре, ждал, когда все уйдут. Это на него похоже. Не торопит, не лезет. Но потом задаёт вопросы, от которых хочется спрятаться.

— Павел Андреевич, можно спросить?

— Спрашивай.

Подходит, садится на скамью рядом. Не близко, оставляет пространство, но и не на том расстоянии, которое обычно держат между тренером и учеником. Ближе.

— Я вот думаю, — начинает и замолкает. Смотрит в пол, на свои кроссовки.

— Это опасно.

Поднимает голову, улыбается краем губ, но тут же становится серьёзным.

— После школы что делать. Не знаю.

Ему шестнадцать, в десятом классе, через год выпуск. Хороший спортсмен — способный, упёртый, выкладывается на каждой тренировке. Но звёзд с неба не хватает. В большом спорте будет тяжело. Он и сам это знает.

— Варианты какие?

— Ну... Поступить куда-нибудь. Или пойти работать. Остаться здесь или уехать.

— И что склоняешься?

— Не знаю. Мама говорит, надо учиться. А отец говорит, что учиться сейчас смысла нет, можно и работать. У него своё дело, он зовёт к себе. Но это здесь. А я... — замолкает.

— Что?

— Я иногда думаю уехать. В другой город. Начать с нуля. Здесь всё маленькое. Все друг друга знают. Иногда хочется, чтобы никто тебя не знал.

Молчу. Понимаю. Хорошо знаю. В шестнадцать я тоже хотел начать с нуля. Только не из-за города. Из-за себя. Из-за того, что не мог смотреть на лица людей, которые знали меня до самолёта.

— А родители что говорят про «уехать»?

— Мама говорит, что потеряюсь. Отец говорит, что умные люди уезжают, а возвращаются только дураки.

— И кто из них прав?

Поднимает голову. Смотрит внимательно.

— Не знаю. Может, оба. Просто чувствую, что надо что-то менять. А что — не понимаю.

— Это нормально. В шестнадцать никто не понимает.

— А вы в шестнадцать понимали?

Он ждёт. Я молчу. Смотрю на турники, на фотографии на стене. На своё прошлое, которое всегда здесь.

— Понимал.

— И что хотели?

— Стать археологом.

Поворачивается ко мне. В глазах удивление.

— Археологом? Как в фильмах? С лопатой и кисточкой?

— С лопатой, кисточкой и книгами. И с терпением.

— А почему не стали?

Смотрю на него. Мог бы сказать «сложилось иначе», как говорю всем. Но он не любой другой.

— Мои родители погибли. Когда мне было семнадцать.

Замирает. Сглатывает. Но не отводит взгляд.

— Они летели на самолёте. Я должен был лететь с ними, но остался. Контрольная по истории. Глупость. Мог сдать позже. Но захотелось остаться. Поспать. Побывать одному. Они улетели. И не вернулись.

— После этого я не поехал учиться. Вернулся сюда. Открыл клуб.

— А археология?

— Осталась книгами.

— А вы жалеете?

Вопрос бьёт в то место, которое я прячу ото всех.

— Жалею, — мог бы сказать я. Но не говорю.

— Иди домой. Поздно.

Не двигается. Смотрит на меня. В его взгляде нет обиды — только понимание.

— Павел Андреевич, я просто хочу понять. Если человек выбирает одно, а потом думает о другом — это он ошибся? Или так и надо?

— Не всегда выбор — это «или-или». Иногда это про то, что ты готов взять с собой из прошлого в будущее.

— А если ты ничего не хочешь брать?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.